

Рэки Кавахара

SWORD ART ONLINE

АЛИСИЗАЦИЯ. НАЧАЛО



Истари комикс
Москва
2019

**Пролог I: Июль 372 года
по календарю мира людей**

ЧАСТЬ 1

Сжать рукоять топора.

Поднять.

Ударить.

Простые, казалось бы, движения. И всё же стоило хоть на секунду расслабиться, как топор отклонялся от цели, и твёрдая кора дерева отвечала рукам безжалостной отдачей. Чтобы передать дереву заключённую в тяжёлом топоре мощь и извлечь высокий, чёткий, приятный звук, нужно сначала полностью взять под контроль дыхание, ритм, скорость и центр тяжести.

И хоть умом Юджио это понимал, на деле всё шло не так, как ему хотелось бы. Эту работу на него возложили весной того года, когда ему исполнилось десять, но с той поры наступило уже второе лето, а у Юджио получалось как следует ударить лишь один раз из десяти. Даже старина Гаритта, научивший его искусству дровосека, попадал сто раз из ста и будто бы нисколько не уставал, но у Юджио уже после пятидесяти замахов ладони немели, плечи ныли, а руки отказывались подниматься.

— Сорок... три! Сорок... четыре!

Юджио громко считал удары по огромному стволу, чтобы хоть как-то подбодрить себя, но льющийся градом пот застилал глаза, а топор норовил выскочить из скользких рук. Точность замахов неумолимо снижалась, однако Юджио крепко сжимал топор и отчаянно разворачивался всем телом.

— Сорок... девять! Пять... де... сят!

Во время последнего удара руки совсем подвели его, и топор с оглушительным лязгом отскочил от коры вдаль от глубокой борозды. От отдачи у Юджио искры брызнули из глаз. Не выдержав, он выронил топор, попятился на несколько шагов и плюхнулся на густой мох.

Справа от тяжело дышавшего Юджио послышался насмешливый голос:

— Хорошо прозвучали три из пятидесяти. А в сумме выходит, э-э, сорок один? Похоже, сегодня тебе меня угощать сиральской водой, Юджио.

Голос принадлежал его ровеснику, разлѣгшемуся на земле неподалѣку. Юджио ответил не сразу. Сначала он нащупал бурдюк с водой, поднял и жадно отхлебнул нагретую за день жидкость. Оклемавшись, он плотно закрыл пробку.

— Пф, — наконец ответил он, — у тебя пока тоже только сорок три. Мигом догоню. Давай, твой черѣд, Кирито.

— Да-да.

Приятель с пелѣнок, незаменимый друг, а с прошлой весны ещё и напарник по тоскливому Призванию, пропустил между пальцами мокрую от пота чѣрную чѣлку, вскинул ноги точно вверх, издал клич и вскочил. Однако первым делом не пошѣл за топором, а упѣр руки в боки и посмотрел вверх. Юджио тоже обратил взгляд к небесам.

Стояла самая середина июля, небо было изумительно голубым. Богиня дня Солус заливала мир светом с высшей точки небосвода. Вот только раскинувшиеся во все стороны ветки огромного дерева не пропускали лучи, и свет почти не достигал корней, у которых находились Юджио и Кирито.

Даже сейчас бесчисленные листья дерева жадно вкушали дары богини дня, а корни впитывали благословение богини земли Террарии. Борозда, на углубление которой Юджио и Кирито затратили столько усилий, зарастала прямо на глазах. Они могли вкалывать весь день напролѣт, а на следующее утро обнаруживали, что дерево залечило половинуту, что прорубили накануне.

Юджио коротко вздохнул и перевѣл взгляд на дерево.

В деревне его называли Гигас Сиды, что в переводе со священного языка означало «Гигантов Кедр». Монструозный кедр имел ствол четырёхмеровой толщины и тянулся ввысь меров на семьдесят. Даже церковная колокольня, самое высокое здание в деревне, была вчетверо ниже.

Рост Юджио и Кирито перевалил за полтора мера только в этом году, так что им дерево и правда казалось древним богом-гигантом.

«Да вообще, разве людям по силам срубить его?» — невольно задумывался Юджио каждый раз, когда глядел на борозду в стволе. Клиновидный надруб уходил вглубь ствола всего на мер — втрое меньше по сравнению с толщиной целой части ствола.

Когда прошлой весной Юджио с Кирито привели в дом деревенского старейшины, на них возложили должность рубщиков великого дерева и рассказали такую историю, что Юджио чуть в обморок не упал.

Гигас Сиды пустил корни вглубь этой земли задолго до основания деревни Рулид, где они оба жили. Жители деревни поколениями, начиная ещё с самых первых поселенцев, пытались одолеть дерево топорами. Если считать от первопроходцев, старина Гаррита был рубщиком уже шестого поколения, а продолжающие его дело Юджио и Кирито — седьмого. Чтобы прорубиться на нынешнюю глубину, людям понадобилось больше трёхсот лет.

Больше трёхсот лет!

Юджио тогда только-только исполнилось десять, и этот срок он даже представить себе не мог. Разумеется, к одиннадцати годам ничего не изменилось — Юджио сумел осознать лишь то, что рубщики поколения отца и матери, поколения дедушек и бабушек, поколения их родителей и поколения родителей их родителей бесконечно махали топорами, но не смогли проделать в дереве борозды даже меровой глубины.

Когда речь зашла о том, зачем вообще нужно рубить кедр, старейшина заговорил торжественно:

— Огромный Гигас Сиды так полон жизни, что крадёт благословение богинь дня и земли далеко вокруг себя. Земля бесплодна всюду, куда падает тень дерева.

Деревня Рулид находится на самом севере Империи Нолангарт — одной из четырёх великих Империй мира людей. Другими словами, на самом краю мира. С севера,

востока и запада их поселение окружали неприступные горы, поэтому место под новые поля и пастбища приходилось отвоёвывать у лесов на юге. Однако на опушке этих лесов раскинул корни Гигас Сиды, так что деревня не может развиваться, пока он стоит на её пути.

В то же время его древесина крепка, как железо, огонь даже не коптит кору, а выкорчевать кедр мешает то, что его корни раскинулись не меньше кроны. Именно поэтому деревне приходится штурмовать ствол топором из кости дракона, оставшимся от первопроходцев и способным разрубить даже железо. Он, как и должность рубщиков, переходит из поколения в поколение.

Когда дрожащий от пафоса голос старейшины смолк, первым делом Юджио робко поинтересовался, нельзя ли махнуть рукой на Гигас Сиды и расчистить леса южнее от него.

Старейшина в ужасе ответил, что их предки страстно мечтали срубить дерево и что деревенская традиция предписывает наделять двух жителей Призванием рубщиков. Затем уже Кирито недоумённо покрутил головой и спросил, почему глубокоуважаемые предки вообще решили основать деревню именно здесь. Старейшина на секунду замялся с ответом, вдруг вспыхнул и стукнул Кирито кулаком по макушке. А затем и Юджио за компанию.

Следующие год и три месяца они по очереди брали в руки топор из кости дракона и бросали вызов Гигас Сиды. Но то ли им не хватало умения работать топором, то ли ещё чего, однако борозда в стволе глубже не становилась. Наверное, не стоило удивляться тому, что двое мальчишек за год не добились больших успехов в деле, которым люди занимались уже три столетия, но Юджио чрезвычайно не хватало ощущения плодотворной работы.

Более того, при желании он мог увидеть наводящую уныние правду не только в борозде, но и в другом, ещё более явном виде.

Похоже, та же самая мысль пришла в голову Кирито, который всё это время молча стоял неподалёку и сверлил Гигас Сида взглядом. Он вдруг уверенно зашагал к стволу и поднял левую руку.

— Эй, Кирито, может, не надо? Старейшина ведь говорил чересчур часто не проверять жизнь дерева, — с тревогой в голосе обратился к нему Юджио.

Кирито, однако, улыбнулся ему через плечо своей обычной озорной улыбкой и парировал:

— Последний раз мы смотрели два месяца назад. Это не «чересчур», а «иногда».

— Да уж, тебя не переспоришь. Не спеши, мне тоже покажи.

Юджио наконец-то перевёл дух, подскочил с места и подбежал к нему.

— Готов? Открываю, — глухо сказал Кирито.

Пальцы вытянутой вперёд левой ладони собрались в кулак, за исключением указательного и среднего. Кирито начертил в воздухе фигуру, похожую на ползущую змею, — самый простой из символов почтения к богине мироздания.

Закончив рисовать, Кирито тут же постучал кончиками пальцев по стволу Гигас Сида, но раздался не сухой деревянный стук, а тихий звон, как у серебряной посуды. Изнутри ствола выплыло небольшое прямоугольное окошко.

У всего подвижного и неподвижного, что только существует на этом свете, есть Жизнь, подаренная владыкой жизни и богиней мироздания Стейсией. У букашек и цветков Жизни совсем мало, у кошек и лошадей гораздо больше, ещё больше у людей, но даже у них Жизни в разы меньше, чем у деревьев, мшистых камней и всего прочего. После появления на свет Жизнь до поры до времени растёт, затем убывает. Когда она иссякает, люди и звери умирают, растения засыхают, а камни обращаются в прах.

Написанное священными символами количество оставшегося здоровья можно посмотреть в окне Стейсии.

Чтобы его вызвать, человек, обладающий достаточной божественной силой, должен начертить в воздухе знак и постучать по цели. Окно камня, цветка и прочей мелочи может вызвать почти кто угодно, проявить окно животного посложнее, а уж посмотреть окно человека способен лишь обладатель такой силы, с которой впору осваивать начальные священные заклинания. Впрочем, кем бы ты ни был, заглядывать в собственное окно всё равно страшновато.

Как правило, вызвать окно дерева легче, чем человеческое, но Гигас Сиды оправдал звание дьявольского древа и даже тут оказался не так прост. Лишь где-то полгода назад Юджио и Кирито научились проявлять его окно.

Краем уха они слышали, что в своё время дослужившийся до ранга Верховного старейшины священный заклинатель из Всемирной Церкви Аксиом в столичном городе Центории провёл ритуал, продлившийся семь дней и семь ночей, и сумел успешно открыть окно земли, точнее, окно богини земли Террарии. Но едва заклинатель увидел Жизнь земли, как испугался, помутился рассудком и куда-то исчез.

С тех самых пор, как Юджио услышал эту историю, он начал побаиваться не только собственного окна, но и окон каких бы то ни было больших шутоквин, включая Гигас Сиды. Однако Кирито страшилка несколько не смутила, и даже сейчас он заворожённо тянулся к светящемуся окну.

«Может, мы с ним с детства лучшие друзья, но иногда я его просто не понимаю», — подумал Юджио, но проиграл в поединке с любопытством, встал сбоку от Кирито и тоже заглянул в окошко.

На овёянном бледно-фиолетовым светом прямоугольнике выстроились в ряд причудливые цифры из прямых и кривых чёрточек. Читать цифры древнего священного языка умел даже Юджио, но писать их строго возбранялось.

— Та-ак... — Юджио начал читать, постукивая пальцем по каждой цифре: — Двести тридцать... пять тысяч пятьсот сорок два.

— А-а... сколько в позапрошлом месяце было?

— Вроде... Двести тридцать пять тысяч пятьсот девяносто или около того.

Как только Юджио выговорил число, Кирито картинно воздел руки к небу и упал на колени. Затем его пальцы вцепились в чёрные волосы.

— Пятьдесят! Мы вкалывали как проклятые два месяца ради каких-то пятидесяти очков из двухсот тридцати с лишним тысяч! Да у нас всей жизни не хватит, чтобы его срубить!

— Нет, ну, я так и сказал, что не хватит, — только и смог ответить Юджио, горько улынувшись. — До нас триста лет трудилось шесть поколений рубщиков, и продвинулись они всего на четверть. Если так прикинуть, нужно ещё... э-э-э... восемнадцать поколений, или где-то девятьсот лет.

— А-ах ты-ы-ы...

Сидевший на земле и державшийся за голову Кирито вдруг со злостью зыркнул на Юджио и вцепился ему в ноги. Застигнутый врасплох Юджио потерял равновесие и упал навзничь на моховую подстилку.

— Почему ты такой послушный?! Почему не думаешь над тем, как бы поступить с нашей несправедливой долей?!

Хотя на словах Кирито сердился, при всём этом он улыбался до ушей, сидел на Юджио верхом и лохматил тому волосы.

— А-а, ты чего вытворяешь?!

Юджио схватил Кирито за запястья и резко потянул. Кирито тут же напрягся и попытался упереться руками в землю, но Юджио обратил усилия друга против него самого, перевернул его через голову и уже сам оказался сверху.

— Получай сдачи! — сбиваясь на смех, выкрикнул он и запустил грязные руки в волосы Кирито.

В отличие от мягкой светло-соломенной шевелюры Юджио, у Кирито волосы были чёрные и непослушные. Такие особо и не испачкаешь, поэтому Юджио решил зачекотать друга.

— Угхя-а-ах-ты-ы... Т-так нечестно!..

Юджио прижал к земле задыхавшегося от смеха и пытавшегося вырваться Кирито. Но только он вновь принялся щекотать его, как в спину ему прилетел громкий звонкий голос:

— Ну-ка! Вы опять отлыниваете!

Драка Юджио и Кирито мигом прекратилась.

— У-у...

— Вот бли-ин...

Мальчики втянули головы в плечи и боязливо обернулись.

На вершине камня неподалёку от них стояла, уперев руки в боки и выпятив грудь, какая-то фигура. Юджио несколько нервно улыбнулся и обратился к ней:

— П-привет, Алиса, что-то ты сегодня рано.

— Ничуть не рано. Как обычно.

Девочка надменно мотнула головой, и две пряди волос, собранные возле лица, ослепительно сверкнули золотом в пробивающихся сквозь листву лучах. Одета в ярко-синее платье и белый фартук, девочка с довольно большой корзинкой в руках изящно спрыгнула с камня.

Девочку, дочь деревенского старейшины, звали Алиса Цуберг. Ей было одиннадцать, как Кирито и Юджио.

В Рулиде, да и во всех приграничных северных землях, принято давать детям Призвание и отдавать в подмастерья весной того года, когда им исполняется десять. И только Алиса единственная из всех продолжала ходить в школу при церкви. Среди всех деревенских детей она считалась самой способной к священным искусствам, поэтому сестра Азария обучала её лично.

Впрочем, ни одарённость, ни положение дочери старейшины не отменяли того, что небогатый Рулид не мог позволить одиннадцатилетней девочке проводить за учёбой весь день напролёт. В деревне работали все, кто только мог, чтобы спасти Жизнь урожая и скота от бесконечных засух, дождей, саранчи и прочих козней бога тьмы Вектора, потому что иначе селяне вряд ли смогли бы пережить суровую зиму без потерь.



Семья Юджио выращивала пшеницу на поле к югу от деревни, и именно поэтому, когда Орик, отец мальчика и потомственный земледелец, услышал, что младшего из трёх сыновей избрали на роль рубщика, он радовался только на словах, а в душе сожалел. Конечно, деревенская казна платила семье Юджио за его труды, но всё-таки на одну пару рабочих рук в поле стало меньше.

По сложившейся традиции старшему сыну каждой семьи давали то же Призвание, что и отцу, но в сёлах по стопам родителей шли и дочери, и младшие сыновья. Ребёнок продавца становился продавцом, ребёнок стражника — стражником, а ребёнок старейшины становился следующим старейшиной. Именно поэтому Рулид за сотни лет со дня основания сохранил практически первоизданный вид. Взрослые утверждали, что это дар божественной покровительницы Стейсии, но Юджио ощущал по этому поводу смутный, невыразимый дискомфорт.

Он не понимал, чего на самом деле хотят взрослые: расширить деревню или же сохранить её в неизменном виде? Если они действительно хотели вспахать новые поля, почему бы не махнуть рукой на этот огромный кедр, не углубиться в Южный лес и не расчистить его? Однако даже старейшина, мудрейший человек в деревне, и думать не смел о том, чтобы пересматривать многолетнюю традицию.

Именно поэтому деревня Рулид так и оставалась настолько нищей, что даже дочь старейшины могла сидеть в школе только до обеда, а потом была вынуждена ухаживать за скотом, подметать дом и заниматься прочей работой. И самой первой в очереди стояла доставка обеда Юджио и Кирито.

Итак, Алиса спорхнула с камня, не выпуская корзинки из рук. Её глубокие синие глаза внимательно вглядывались в Юджио и Кирито, только что переставших бороться. Но прежде чем она открыла свой маленький ротик, чтобы громко возмутиться, Юджио успел вскочить и замотать головой.

— Мы не отлыниваем! Не отлыниваем! Мы успели всё, что должны были до обеда, — скороговоркой оправдался он.

— Да-да-да, — поддакнул Кирито за спиной.

Алиса снова скользнула по мальчикам взглядом грозно светящихся глаз, а затем вдруг вздохнула и улыбнулась:

— Раз вам хватает сил на потасовки после работы, может, сказать Гаритте, чтобы он поднял вам норму по ударам?

— Т-только не это!

— Шучу. Ладно, давайте скорее обедать. Сегодня жарко, надо успеть, пока еда не испортилась.

Алиса поставила корзинку на землю, достала из неё белую простынку и одним взмахом расправила. Как только Алиса выбрала участок земли поровнее и расстелила ткань, Кирито быстро разулся и запрыгнул на подстилку; Юджио уселся следом. Перед изголодавшимися работягами выстроился целый ряд угощений.

Сегодня в меню были пироги, начинённые рагу из варёных бобов и солёного мяса; сэндвичи из тонких ломтиков чёрного хлеба, сыра и копчёного мяса; всякие сушёные фрукты и утреннее парное молоко. Но хотя вся, за исключением молока, предложенная еда могла храниться долго, лучи июльского месяца наверняка безжалостно отбирали у неё Жизнь.

Кирито и Юджио накинулись было на пищу, но Алиса остановила их, словно дрессированных щенков. Она начала быстро рисовать в воздухе символы и открывать окна всей еды, в первую очередь молока в необожжённом горшочке.

— Ох, молоко продержится всего десять, а пироги — пятнадцать минут. А ведь я бежала со всех ног... В общем, с обедом придётся поторопиться. Но не забывайте как следует пережёвывать.

Если отведать хотя бы кусочек «испорченной» еды, то есть той, у которой закончилась Жизнь, то лишь самый крепкий человек не ощутит немедленной боли в жи